

Цинь Шухуань лежал на больничной койке. Его лицо распухло до неузнаваемости, напоминая голову свиньи, а сам он только что пережил приступ тяжелого удушья.

После инъекции гормонов состояние Цинь Шухуаня стабилизировалось.

Пришел врач на обход, перелистывая карту пациента, и спросил: Настолько серьезная аллергия на виноград, вы проверяли аллергены в детстве?

Цинь Цзай тут же ответил: Проверяли, именно на виноград и есть аллергия.

Тогда хорошо. Понаблюдаем шесть часов, если проблем не будет, сможете идти домой.

Когда врач ушел, Цинь Цзай сел напротив Цинь Шухуаня. Оба молчали, глядя друг на друга.

Цинь Цзай хотел было погладить брата по лицу, но увидел, что веки распухли так сильно, что исчезли даже складки, и понял, что прикасаться к нему сейчас нигде не стоит. Он сменил направление руки и погладил его по пушистым волосам: Поспи немного. Давай!

Не видя поблизости Цзи Цзывэя и чувствуя сильную усталость после перенесенного удушья, Цинь Шухуань закрыл глаза и провалился в сон.

Брату уже лучше? — Цзи Цзывэй как раз закончил оплачивать счета и увидел, как Цинь Цзай на цыпочках выходит из палаты.

Они сели на скамейку в коридоре больницы. Цинь Цзай потер переносицу: Да, все в порядке.

Я и не знал, что у него такая сильная аллергия на виноград. Если бы знал, ни за что бы его не купил. — Цзи Цзывэй до сих пор испытывал страх, вспоминая, как Цинь Шухуань рухнул на пол.

Цинь Цзай, казалось, был совершенно измотан. Он плотнее закутался в куртку, откинулся на спинку скамьи и ничего не ответил.

Я думал, что моя жизнь — это сплошная череда бед, но, оказывается, у тебя не лучше. — Цзи Цзывэй с ноткой сочувствия взглянул на Цинь Цзая.

Цинь Цзай прикрыл глаза, чтобы не видеть этого ехидного сочувственного взгляда, и оттолкнул его: Ты сам во всем виноват.

Цзи Цзывэй усмехнулся: Оба мы хороши. Нечего тут друг друга упрекать.

Ночная больница была пугающе тихой. Они сидели рядом, не проронив ни слова.

За окном небо было черным, как тушь. Люди, следуя заведенному распорядку, прожили еще один день. Хотя планы кажутся незыблемыми, невозможно предугадать, что принесет завтрашний день. Человек подобен сложному механизму, вращающемуся по кругу, и единственное, что может изменить этот путь — это уникальное человеческое мышление.

Цзи Цзывэй продолжал жить у них дома, и после случая с аллергией Цинь Шухуаня ничего не изменилось.

Цинь Шухуань смотрел на Цзи Цзывэя, сидевшего на диване, и от злости у него чесались зубы. Не имея возможности выплеснуть раздражение, он уткнулся в книгу.

Когда подошло время, Цзи Цзывэй, обладая чувством такта человека, живущего на чужой территории, пошел на кухню поставить рис. Эй, малец, не забудь помазать лицо лекарством, а то твой брат снова начнет тебя отчитывать.

Я часто его отчитываю? — Цинь Цзай только что вернулся и услышал их разговор.

Ты уже дома? — Цзи Цзывэй высунулся из кухни, по пути забрав у Цинь Цзая пакеты с продуктами, и скрылся внутри.

Видя их привычные, слаженные движения, напоминающие поведение супругов, Цинь Шухуань, обнимая подушку, лишь сильнее надулся от обиды.

Цинь Цзай, глядя на сидящего на диване брата, вспомнил слова своего учителя и глубоко задумался. Он признал, что его методы воспитания действительно оставляли желать лучшего.

Про себя он подумал: Две тысячи за занятие по детской психологии и правда не прошли даром.

Раньше он надеялся лишь на то, чтобы Цинь Шухуань был здоров и счастлив, но теперь понял, что таким отношением только вредит ему. Если человек живет на свете, не имея призвания или навыков, на которые можно опереться, он совершит множество ошибок, блуждая в попытках найти свое счастье. Цинь Цзай не хотел, чтобы Цинь Шухуань проходил через такие муки.

После ужина Цинь Цзай позвал брата в кабинет. Открыв дверь, он увидел, что Цзи Цзывэй в отчаянии склонился над ноутбуком. Цинь Цзай молча закрыл дверь и повел брата на балкон.

С полузакрытого балкона тянуло ночной прохладой, а у подножия расстилались огни шумного города. В воздухе витал приятный аромат, который долго не развеивался.

Душевный разговор между братьями казался чем-то неловким. Цинь Цзай растерялся: столько слов вертелось на языке, но стоило взглянуть на лицо Цинь Шухуаня в такой легкой и приятной обстановке, как все они куда-то испарились.

Он развернулся, открыл дверь кабинета, схватил ноутбук Цзи Цзывэя, потащил самого парня за руку, зашвырнул его во вторую спальню и запер дверь — все это одним плавным движением.

Тан-тан, иди в кабинет.

Хорошо.

Строгая и серьезная атмосфера кабинета сразу вернула Цинь Цзая в нужное состояние. Они сели друг напротив друга. Цинь Цзай протянул брату таблицу планирования карьеры и анкету с интересами.

Не торопись, заполняй спокойно.

Цинь Шухуань действительно подошел к делу серьезно. Он провозился почти два часа, после чего вернул брату лист, заполненный лишь наполовину.

Цинь Цзай взглянул на пустые строки, подавляя гнев, и твердил про себя: Он еще ребенок, он еще маленький, это нормально — не иметь плана, нормально, нормально.

Настроившись на нужный лад и придав голосу спокойный тон, он спросил: Тан-тан, а есть ли у тебя профессия, которой хотелось бы заняться? Смотри, у тебя отличные писательские способности, ты получил столько наград. Или, например, ты занимался тхэквондо, вел мероприятия, играл на пианино, разбираешься в играх, плавании, боулинге, гольфе, дебатах, программировании... В конце концов, пение! Неужели среди этого нет ничего, что тебя по-настоящему цепляет?

Цинь Шухуань удивился: Ого, я занимался стольким количеством вещей? Как удивительно.

У Цинь Цзая в глазах потемнело. Он не сдавался: А профессия? Кем ты хочешь стать? Или на кого хочешь быть похож?

Цинь Шухуань задумался всерьез. Потирая подбородок, он произнес: Есть идея. Хочу стать таким «серым кардиналом», боссом за кулисами. Вроде бы особо не свечусь, но как только появлюсь — тысячи людей пойдут за мной следом, и я стану легендой. При этом дел должно быть поменьше, а денег — побольше. Лучше, чтобы деньги текли рекой, даже когда меня нет, а если уж я появляюсь, то их должно становиться еще больше.

И еще: я не люблю много общаться с людьми, на работе не должно быть интриг, должно быть легко, чтобы мне не приходилось страдать. Иногда подгонять меня можно, но не слишком

строго.

Цинь Цзай бесстрастно смотрел на разглагольствующего брата. Они знакомы столько лет, почему он раньше не замечал, что Цинь Шухуань такой мечтатель?

Брат, такая работа невозможна?

Вон отсюда.

Хорошо.

Все пропало, — Цинь Цзай поднял голову и потер виски. И правда, избаловал его донельзя. Глядя в окно, он чувствовал лишь пустоту, думая о будущем брата.

Уходя и закрывая дверь, Цинь Шухуань будто что-то вспомнил. Точно, надо добавить: лучше всего — не выходить из дома, чтобы можно было сидеть в четырех стенах. И самое главное — чтобы это позволяло ему быть рядом с братом!

Он хотел было развернуться и сказать это брату, но передумал. В конце концов, в этой жизни он от брата никуда не денется!

В баре играла тихая, расслабляющая музыка, а в полумраке ничего нельзя было разглядеть. Цинь Цзай, пришедший купить алкоголя, при виде заплаканных глаз Цзи Цзывэя невольно захотел затащить его внутрь, чтобы хоть немного успокоить душу. Однако, вспомнив, что по документам им еще нет восемнадцати, он лишь дернул веком и отказался от этой мысли.

Беды сыпались одна за другой. Из-за разрыва финансирования бар Цзи Цзывэя, который раньше более-менее держался на плаву, закрылся. Причем сразу два.

Цзи Цзывэй был очень привязан к этим заведениям. Этот с детства непокорный парень ради своих баров мог в проливной дождь бежать через весь город, лишь бы раздобыть нужный товар, который поставщики отказывались везти.

У меня правда больше нет денег, Цинь Цзай. Без денег она меня тем более не полюбит.

Цинь Цзай был готов ударить его. Саморазрушение Цзи Цзывэя проявлялось во всей красе.

Влюбиться в мачеху, открыто конкурировать с собственным отцом — отец даже не воспринимал его вызов всерьез. Стоило перекрыть денежный кран, как у Цзи Цзывэя не осталось ничего.

Цзи Цзывэй, с красными глазами, лежал на столе, не произнося ни слова, как живой мертвец.

Брат, что с ним? — Цинь Шухуань встал попить воды и увидел лежащего на столе Цзи Цзывэя.

Цинь Цзай быстро встал и подтолкнул брата к его комнате: Ничего, он просто не в духе, иди спать.

Цзи Цзывэй, тихо лежавший на столе, услышав голоса, внезапно подскочил и с грохотом ударил по столу. Он посмотрел на Цинь Шухуаня: Младший, твой брат тут убивается из-за несчастной любви.

Оба вздрогнули от внезапного рывка Цзи Цзывэя.

Цинь Шухуань опешил и спросил у Цинь Цзая: Вы что, поссорились?

Она меня больше не любит!

Они говорили на разных языках, но умудрялись друг друга «понимать». Удивительно, не правда ли?

Цинь Цзай боялся, что Цзи Цзывэй сболтнет лишнее, и поспешил отвести брата в спальню.

Вслед им раздался изможденный голос: Младший, моя мачеха... она меня больше не любит!

Цинь Шухуань, который уже направлялся в свою комнату, замер на месте. Он неверяще обернулся и посмотрел на Цзи Цзывэя, похожего на зомби. В его голосе прозвучало изумленное ликование: Твой объект любви — твоя мачеха?!

<http://bllate.org/book/21844/2264888>